

ВОПРОСЫ ФИЛОСОФИИ

AUG 31 1993

№ 3

НАУЧНО-ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

1993

ИЗДАЕТСЯ С ИЮЛЯ 1947 ГОДА
ВЫХОДИТ ЕЖЕМЕСЯЧНО

ИНСТИТУТ ФИЛОСОФИИ РАН

PERIODICALS ROOM
307 Butler Library
Columbia University
New York N Y 10027

СОДЕРЖАНИЕ

Постмодернизм и культура (материалы "круглого стола"). Выступили: О.Б. Вайнштейн, В.И. Новиков, В.А. Подорога, Л.В. Карасев	3
Н.С. Автономова – Возвращаясь к азам	17
Е.Г. Трубина – Посттоталитарная культура: "все дозволено" или "ничего не гарантировано"?	23
Б. Гройс – Да, апокалипсис, да, сейчас	28
М.М. Субботин – Теория и практика нелинейного письма	36
З. Лауман – Философия и постмодернистская социология	46

Философия, религия, общество

Б.В. Раушенбах – Логика троичности	62
Н. Лобковиц – Христианство и культура	71

Философия и наука

М.Г. Ярошевский – Переживание и драма развития личности (последнее слово Л.С. Выготского)	82
--	----

Философия за рубежом

Ю.Н. Стефанов – "Не заблудиться по пути в Шамбалу"	92
Р. Генон – Царь мира	97
В.Л. Махлип – Бахтин и Запад (окончание)	134
Н.С. Плотников – Новое исследование о гегельянстве	151

Критика и библиография

С.Н. Пушкин, Л.Е. Шапошников — А.А. Корольков. Пророчества Константина Леонтьева; А.Ф. Сивак. Константин Леонтьев.....	155
В.С. Швырев — Х. Сколимовски. Танцующий Шива в экологический век....	157
Наши авторы	160

CONTENTS

POSTMODERNISM AND CULTURE (a round-table discussion). N.S. AVTONOMOVA. Return to sources. E.G. TRUBINA. Posttotalitarian culture. B. GROYS. Yes, Apocalypse, yes, now. M.M. SUBBOTIN. Theory and practice of non-linear writing. Z. BAUMAN. Philosophy and postmodernist sociology. B.V. RAUSCHENBACH. Logic of triplicity. N. LOBKOVITZ. Christianity and culture. M.G. JAROSCHEVSKY. Experience and drama of the development of person (the last word of L.S. Vygotsky). R. GUENON. King of the World. V.L. MAHLIN. Bakhtin and the West. BOOK REVIEWS.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

В.А. Лекторский (главный редактор), Г.С. Арефьева, А.И. Володин, П.П. Гайденко, Б.Т. Григорьян, В.П. Зинченко, А.Ф. Золотв, В.К. Кантор, В.Ж. Келле, Л.Н. Митрохин, Н.Н. Моисеев, Н.В. Мотрошилова, В.И. Мудрагей (заместитель главного редактора), А.П. Огурцов, Т.И. Ойзерман, И. Пружинин (ответственный секретарь), В.А. Смирнов, В.С. Степич, В.С. Швырев

Технический редактор И.В. Карандашова

Сдано в набор 25.12.92	Подписано к печати 1.02.93	Формат бумаги 70×100 1/16		
Офсетная печать	Усл.печ.л. 13,0	Усл.кр.-отт. 292,4 тыс.	Уч.-изд.л. 17,3	Бум.л. 5,0
Тираж 22 090 экз.		Заказ 4020		Цена 12 руб.

Адрес редакции: 121002, Москва, Г-2, Смоленский бульвар, 20. Телефон 201-56-86

Московская типография № 2 ВО "Наука"; 121009, Москва, Г-99, Шубинский пер., 6

© «Вопросы философии», 1993 г.

Переживание и драма развития личности

(последнее слово Л.С. Выготского)

М.Г. ЯРОШЕВСКИЙ

Л.С. Выготский был выдающийся генератор проблем. Именно это обстоятельство придает его текстам не только реликтовый характер.

С именем Выготского ассоциируются главным образом такие темы, как "развитие высших психических функций", "мышление и речь". Отсюда и принятое в мировой литературе представление о нем как отважном исследователе когнитивных процессов. Известный американский ученый Дж. Брунер в 70-х годах свидетельствовал: "Каждый психолог, который занимался в минувшую четверть века познавательными процессами и их развитием, должен признать то большое влияние, которое оказали на него труды Льва Семёновича Выготского"¹.

Между тем конечной точкой его искавший служило древнее, но обретшее в сложных поворотах этих исканий новый смысл понятие о переживании. Оно сопрягалось с категорией личности, которая, соответственно методологической подпочве исследований Выготского, мыслилась в координатах системности, развития, детерминизма. Эти объяснительные принципы, как известно, имеют сложную "биографию", преобразуясь в смеле исторических эпох.

Преобразования, сотрясавшие в первой четверти нашего столетия весь фронт научных знаний о человеке², обусловили возникновение у Выготского замысла построения психологии в терминах драмы. Этот замысел сложился на одной из развилок его пути.

В годы студенчества он, обучаясь на юридическом факультете, профессионально занимался литературной критикой, в духе импрессионистского направления. Его учителем был Ю.А. Айхенвальд, высланный в 1922 г. по известному, санкционированному политбюро, списку. Запятая критикой сочеталась с изучением философии

¹ Брунер Дж. Психология познания. М., 1977. С. 9.

² Напомню наиболее влиятельные комплексы идей, изменивших в тот период облик психологии: феноменология Гуссерля, интуитивизм Бергсона, психоанализ Фрейда—Адлера, гештальт-психология, персонализм Штерна, бихевиоризм, социопсихологическое направление во Франции (Жане и др.), культурология Дильтея, русская рефлексология. Выготский формировался в полемике со всеми этими направлениями, без которых не возникли бы его новаторские концепции. Чужое слово, преломляясь в его творческом сознании, позволяло открыть новые проблемы, направляя на поиск собственных решений. Выготский был выдающийся мастер диалога (но не изблечения западных концепций как "антимарксистских", как того требовала идеологическая инквизиция). Оппонентный круг, в котором рождались и преобразовывались его идеи, необычайно широк. Сколько-нибудь равного не было ни у одного из советских психологов. Об оппонентном круге как факторе творчества см. мою статью "Оппонентный круг и научное открытие" (Вопросы философии, 1983. № 10).

Гегеля и Спинозы. Среди объектов работы его философско-аналитического ума выделялся театр драмы. Через всю жизнь он пронес шекспиров "Гамлет"³. В перечне его рукописей первой значится "Трагедия о Гамлете, принце датском" У. Шекспира. С "Гамлетом" он ушел в больничный санаторий в Серебряном бору, откуда не вернулся.

В тот период он трактовал художественный текст как символ, вызывающий в каждой отдельной душе "потрясающее ощущение" неизбежного трагизма своего существования в "здесьшнем мире".

После революции, в новой социокультурной атмосфере, в мировоззрении Выготского, ставшего в Гомеле учителем в советской школе, произошел радикальный сдвиг. Он становится сторонником естественнонаучного анализа личности и ее духовной жизни.

Теперь его учитель не Айхенвальд, а И.П. Павлов. По приковавшей в 1923 г. внимание не только физиологов, но и всей мыслящей России (в том числе и идеологов партии — Троцкого, Бухарина) книге "Двадцатилетний опыт изучения высшей нервной деятельности (поведения) животных" он успешно прошел павловскую школу.

Выготский задумывается над проектом объединения психологии и рефлексологии в единую объективную науку о человеке. Вооруженный этим проектом, он приехал в начале 1924 г. в Петроград на Всероссийский съезд психоневрологов. Доклад Выготского свидетельствует, что уже в своих первых попытках влить в отравленную субъективным методом психологию "свежую кровь" естественнонаучного знания он видел уязвимые пункты рефлексологии. Из картины поведения изымалось сознание. Это и побудило его — безвестного молодого "просвещенца" из провинциального Гомеля — обвить на форуме, собравшем со всей России исследователей поведения, великого старца И.П. Павлова в дуализме — грехе, который сам Павлов считал за прежней наукой о высших жизненных функциях.

"В сущности дуализм, — утверждал Выготский, — и есть настоящее имя этой точки зрения Павлова и Бехтерева"⁴. За контурами новой картины поведения просвечивал старинный дуализм души и тела⁵.

Чтобы избавиться от него, Выготский преобразует понятие о рефлексе, внося в его нейродинамическую структуру признаки, неведомые физиологии. Они представляли социокультурную сферу человеческой жизни, к которой Выготский был прикован с момента пробуждения в нем познавательных интересов, а именно — слово, речь. Он вводит понятие о речевом рефлексе, интегрируя в целостность под именем речевого рефлекса Организм, Сознание, Общение и Культуру.

Этот интеграл стал архетипом всех последующих движений его мысли, в каких бы проблемных полях она ни продвигалась. В "теле" речевого рефлекса заложен психический компонент. Выготский обозначает его древним словом "переживание". Именно способность рефлекса (переживания предмета) быть раздражителем (предметом переживания) — этот механизм сознательности и есть механизм передачи рефлексов из одной системы в другую⁶. Трактовка афферентного звена рефлекса не как рецепции сигнала (Сеченов, Павлов), а как "переживания предмета", путала все карты, примешивая к логически гомогенному способу каузального анализа поведения "пришельцев" из совершенно другого ряда, лишеного привычных для натуралиста объяснительных пачал.

Тем не менее термин "переживание", несший в годы юности Выготского личностно-экзистенциальный смысл, приобрел для него отныне "имидж" интегральной

³ Сохранились сведения, что в юности он ставил любительские спектакли, исполняя в одном из них роль Гамлета (свидетельство С.Ф. Добкина, друга юности Выготского, в интервью, данном им автору этих строк).

⁴ *Выготский Л.С.* Собр. соч. Т. 1. М., 1982. С. 57.

⁵ Учение Павлова открытием новых детерминант поведения (условный сигнал, подкрепление как мотивационный фактор и др.) радикально меняло категорию организма. Но оно оставляло нетронутыми традиционные представления о сознании субъекта, его внутреннем мире. Отсюда и дуализм, который сам Павлов решительно отрицал. В том же петроградском докладе Выготский предрекал: "Когда двадцатилетний опыт станет тридцатилетним, положение дела изменится" (*Выготский Л.С.* Цит. соч. С. 56). Так оно и произошло. Павлов выдвинул гипотезу о "вторых сигналах" как регуляторах поведения на уровне человека.

⁶ *Выготский Л.С.* Собр. соч. Т. 1. С. 50.

части сугубо телесного акта — рефлекса. В то же время этот термин оказывался крайне размытым, поскольку охватывал все содержание сознания.

О нем можно было бы сказать нечто подобное сказанному Выготским по поводу понятия о рефлексе⁷. Речь шла (по И. Гебелю) об одном немецком ремесленнике, уэльшавшем в Голландии в ответ на все свои вопросы: "Чей это дом? Кто приехал? и т.д." один и тот же ответ: "Канпитферштан". Он решил, что все в стране совершается одним человеком, тогда как слово просто означало, что его не понимают. Обо всем говорить "это рефлекс" или "это переживание" — значит обесмысливать термин.

Понятие о переживании могло приобрести эвристическую нагрузку только в многоплановой системе других научных категорий (в том числе понятия о "драме развития", см. ниже). В данный период творчества Выготского это еще не произошло. Его мысль проделала огромную работу по освоению психического мира человека, прежде чем термин "переживание" стал ее завершающим аккордом. Излагая свой проект слияния психологии (представленной термином "переживание") с рефлексологией, Выготский еще ничего не сказал о марксизме⁸. Он впервые обратился к нему в связи с попыткой заменить понятие о рефлексе новой структурной единицей поведения — реакцией⁹. При этом имелся в виду особый тип реакции — реакция субъекта на творение искусства.

В работах Г.В. Плеханова Выготский нашел представление, согласно которому в основе искусства лежит "начало аптitezы". Это "начало" стало для Выготского ориентиром при работе над диссертацией "Психология искусства" (1925), где, соотпеся три ряда явлений: социокультурный (семиотический), нейробиологический и психологический, он доказывал, что изоморфные отношения между ними порождают целостную эстетическую реакцию, столкновение противоположных чувств или, согласно неологизму Выготского, противочувствие.

Коллизии эстетической реакции выражают внутренний драматизм, так как речь идет о переживаниях личности, общающейся с поэтическим текстом, а не о драматическом характере отношений реальных действующих лиц на "сцене" реальной жизни.

И тем не менее уже здесь у Выготского пробивалась мысль о возможности применять хорошо знакомое ему по искусствоведческим запятаям представление о принципах построения драмы к научному объяснению психически регулируемого поведения человека, притом, по его словам, "в самые критические и ответственные минуты жизни"¹⁰.

Переломным в творчестве Выготского стал его трактат "Исторический смысл психологического кризиса". Этот смысл он усматривал в том, что психология беремеша особым методологическим направлением — общей психологией как наукой о категориях, глобальных схемах и объяснительных принципах, регулирующих исследовательскую работу в любых отраслях, охватывающих все явления, говоря словами Выготского, "от наслаждения трагедией до бреда сумасшедшего".

Сильный своим полемическим содержанием, этот трактат был оборван на обещании автора представить свой план построения этой науки. Обещание осталось невыполненным. Разработать общую психологию, как методологию данной конкретной дисциплины, подобную общей физике или общей биологии, но не методологии в ее философском измерении, он не смог, оставив эту задачу потомкам, поныне ее не решившим.

Новый этап в творчестве Выготского открыло его обращение к представлению о роли орудий труда в обработке вещества. Вопреки обычным ссылкам на заимствование Выготским "орудийного" подхода у Маркса, отмечу, что главная методологическая идея была воспринята Выготским у Спинозы, сравнившего методы исследования истины с орудиями труда¹¹. Принцип орудийности мысли, сопряженный

⁷ Там же. С. 82.

⁸ Между тем вопрос о реформе психологии в духе марксизма к тому времени уже широко обсуждался.

⁹ Новое понятие легло в основание реактологии, объявленной К.Н. Корниловым истинно "марксистской психологией". Термину "реакция" Выготский сперва придал содержание, отличное от корниловского, а затем вообще от него отказался.

¹⁰ Выготский Л.С. Психология искусства. М., 1987. С. 250.

¹¹ См.: Выготский Л.С. Собр. соч. Т. 1. С. 318—319. Выготский ссылается на работу Спинозы

с понятием о знаке, пронизывал всю исследовательскую работу Выготского, перейдя из области теоретических изысканий (первоначально в трактате "Исторический смысл психологического кризиса") в конкретно-научную экспериментатику. Она представляла направление, которому можно было бы дать имя "инструментальной психологии". С легкой руки его последователей ее повсеместно (в учебниках, словарях и т.п.) называют культурно-исторической теорией. Достаточно, однако, взглянуть в предметный указатель к его собранию сочинений, чтобы убедиться, что сам автор ни разу не применил это обозначение, отказался от него. Оно требовало не реализованного школой Выготского сравнительного анализа влияния различных культур на психологическую организацию человека (кросс-культурных исследований). Сталинская политика нивелирования палитры культурных инвариант (под маской иезуитской формулы о единой по содержанию социалистической культуре) накладывала вето на эту проблему. Предпринятая А.Р. Лурия попытка изучить изменения в психике узбеков в условиях культурного строительства была осуждена как политически вредная.

Во всех оценках и интерпретациях теории Выготского его главный вклад справедливо усматривается в открытии, благодаря семиотическому способу объяснения психики, социокультурных факторов развития когнитивных функций человека в онтогенезе. Между тем наряду с этой линией его исследований прорисовывалась другая, пионерское значение которой не уступает первой. Она несравненно менее известна в силу того, что была намечена в текстах, оставшихся незавершенными и неопубликованными. На ней и оборвался его творческий путь, сказано последнее слово.

Речь шла о внедрении в аппарат научной психологии таких дополняющих друг друга категорий, как личность и межличностные отношения.

С личностью издавна коррелировало понятие о переживании. Применительно же к межличностным отношениям Выготский вводит в значении их парафраза понятие о драме. Не сама по себе членораздельная речь, в которой, как известно, еще Аристотель видел решающее отличие человеческой души от животной, а "драматизация" и сопряженные с ней переживания личности выступают в горизонте видения Выготского в роли факторов, придающих, наряду со словом, психике человека особое место в известной нам Вселенной.

Дильтей предложил формулу "Шекспир в понятиях", отмечая, что в трагедиях великого драматурга больше правды о человеке, чем во всех учебниках психологии, вместе взятых.

Полемизируя от одного текста к другому с этим проектом, Выготский настаивал на том, что цель научной психологии "не Шекспир в понятиях, как для Дильтея ..., но психотехника в одном слове, т.е. научная теория, которая привела бы к подчинению и овладению психикой, к искусственному управлению поведением"¹².

Выготский отчетливо видел, что формула "Шекспир в понятиях" отсекает от тела науки ее главный жизненный нерв — принцип детерминизма. Но тогда психология лишалась перспектив обоснования программ, способных изменять деятельность людей. Ведь "нарисованную корову нельзя доить", повторял Выготский за Вильямом Штерном. Чтобы отстоять принцип детерминизма, который, по убеждению Выготского, является аксиоматическим также и для психологии как науки (а не беллетристики), требовалось выйти за пределы контраверсы детерминистского объяснения (сводящего психику к телесной механике) и телеологического понимания (как описания высших ценностных ориентаций и переживаний личности), вокруг которой веками вращалась философско-психологическая мысль.

В специальном обширном трактате Выготский проследил судьбы этой контраверсы от Сократа и Декарта до ученика Дильтея Э. Шпрангера и М. Шелера.

Отстаивая преимущества телеологической психологии, Шпрангер напомнил о платоновском "Федоне", где излагалась полемика Сократа с Анаксагором, которую

"Трактат об очищении интеллекта" (в издании 1914 г.). Этим не отрицается влияние работ Маркса и Энгельса на психологические исследования Выготского. Однако для него был неприемлем термин "марксистская психология". Марксизм он оценивал как важный, но внешний фактор по отношению к "органическому росту логической структуры знания" (там же, с. 422). Подробнее об этом см. мою статью "Выготский и марксизм в советской психологии" // Психологический журнал. 1992. № 5.

¹² Выготский Л.С. Собр. соч. Т. 1. С. 389.

Шпрангер назвал "сократовским парадоксом". Прежде чем принять яд, великий мудрец, если верить Платону, оспаривал философскую концепцию Анаксагора, который некогда, будучи обвинен в безбожии, бежал из Афин. Сократ, вопреки настояниям друзей, отказался поступить таким же образом. Находясь в "пограничной ситуации" перед лицом смерти, он размышлял не о личной судьбе, но о глобальной проблеме: о причинах, которые правят человеческим поведением. Сократ рассказывал, как в молодости с великим рвением принялся за книги Анаксагора, чтобы "поскорее их прочесть и поскорее узнать, что же всего лучше и что хуже"¹³.

Разочарование постигло Сократа, когда, вчитавшись в Анаксагора, он убедился, что у него действиями человека руководит устройство тела, а не мнение о лучшем, мнение, которое диктует не убежать из тюрьмы, а подчиниться тому, что "назначило государство". "Да, клянусь собакой, — воскликнул Сократ, — эти жилы и эти кости уже давно, я думаю, были бы где-нибудь в Мегарах или в Беотии, увлеченные ложным мнением о лучшем". По Шпрангеру, "сократовским парадоксом" раз и навсегда опровергнута правомерность такого объяснения поступков, которые апеллирует к телесной организации.

Поставленный в платоновском "Федоне" вопрос о том, почему Сократ остался в афинской тюрьме, Выготский считал прототипом основных проблем современной психологии. Но здесь, подчеркивал он, не могут удовлетворить научную мысль ни описательная (телеологическая) концепция, ни объяснительная (каузальная). На этот вопрос "теория Джемса—Лапге отвечает ссылкой на растяжение и расслабление мускулов, сгибающих члены, а теория Шелера — указанием на то, что пребывание в темнице имело целью удовлетворить высшее чувство ценности. И то, и другое одинаково далеко от действительно научного ответа на вопрос"¹⁴.

"Ни натуралистическая, ни интенциональная теория не обращают внимания на истинную причину"¹⁵. Какова же эта "истинная причина"? Справился ли Выготский с "сократовским парадоксом"? Готового ответа в его текстах нет. И все же, ориентируясь на эти тексты, попытаемся ответить, каким же он мог бы быть. Прежде всего следует иметь в виду, что Выготским отвергалась исходная альтернатива, касающаяся причин поступка: либо устройство организма, либо нравственное понятие ("мнение о лучшем"). Ведь сам образ организма решительно изменился, после того как его телесная работа выступила в виде продукта предшествующего опыта жизненных встреч со средой — условно-рефлекторных (по Павлову) и семиотических (по Выготскому). Ведь не психические функции Выготский считал производными от нейродинамики, но она ставилась в зависимость от них.

Очевидно, что мозг (как особая функциональная система), изменяемый благодаря сознательно устанавливаемым индивидом знаково-смысловым связям, это иной физиологический прибор, чем работающий на условно-рефлекторных связях.

Понятия же, на которые ориентируется человек (в том числе нравственные), в свою очередь являются результатом его формирования в тигле социальной практики. Поэтому решения и действия следует принимать не за начальные, но за конечные звенья сложного каузального ряда, уходящего в глубь имеющей драматическую историю системы. Притом целостной системы, где психическое и соматическое в индивиде неразделимы, действия же этого индивида социально ориентированы. Ведь своим выбором Сократ рассчитывал преподать нравственный урок окружающим его ученикам, с тем чтобы самой высокой ценой — ценой своей жизни — доказать неправоту Анаксагора. Объяснительная психология сосредоточилась на телесном механизме, не знающем ни смысла, ни духовности. Описательная же, напротив, на "чистой" духовности, не знающей телесности и потому живого человека в перипетиях его реального бытия. Жизнь человека как земного существа оказывалась абсолютно бессмысленной, не имеющей ни цели, ни ценностей, а его высшие чувства — абсолютно безжизненными. "...Чтобы сохранить жизнь чувства, мы должны отказаться от его смысла..., чтобы сохранить переживание, его смысл, мы должны отказаться от жизни. В обоих случаях мы одинаково должны отказаться от всякой надежды когда-

¹³ Платон. Федон, 97В.

¹⁴ Выготский Л.С. Собр. соч. Т. 6. С. 286.

¹⁵ Там же.

либо научно постигнуть человека и постоянное значение его внутренней жизни"¹⁶.

Выготский надеялся выбраться из дуалистической ловушки, опираясь на философию Спинозы, преодолевшего картезианский способ мышления. Но расчет на "Этику" великого рационалиста и детерминиста Спинозы был обречен на неудачу, и трактат Выготского об эмоциях был оборван на изложении взглядов Декарта и его наследников в XX в., в том числе Дильтея, опиравшегося на понятие о переживании и на версию о том, что перспективным делом психологии может стать перевод на свой язык образов шекспировских трагедий. Раздумья о функции переживания не покидали Выготского. Вектор же этих раздумий определялся стремлением отвоевать понятие о переживании, как несущей конструкции личности у Дильтея и других приверженцев "философии жизни", феноменологии, персонализма и родственных течений, с тем чтобы придать ему признаки, открывающие перспективу его детерминистского объяснения.

На одном из важных поворотов своего пути он обратился к идее "драматической психологии". Ее замысел зародился у него под впечатлением работы французского философа-марксиста Политцера "Критика основ психологии", где обсуждалась возможность изучения человека не в терминах процессов сознания (интроспективное направление) или телесных реакций (бихевиоризм), а в терминах драмы как целостного события жизни личности, динамики ее поступков. "Динамика личности — драма... Личность как участник драмы. Драма личности. Психология гуманизируется"¹⁷.

Отныне он полагает, что недостаточно утвердить знак в качестве водораздела между поведением животных и человека. Требовалось обратиться к новым переменным, выводящим далеко за пределы создаваемых в лоне культуры знаковых систем. Это прежде всего личность.

"Что такое человек? Для Гегеля — логический субъект, для Павлова — сома, организм. Для нас социальная личность, совокупность общественных отношений, воплощенная в индивиде"¹⁸. Личность — особый тип организации, первичное понятие высшей психологии.

Проект психологии в терминах драмы, как и многие другие продуктивные замыслы Выготского, не был реализован. Но представление о драматизации, вводящее, в противовес павловскому "уравновешиванию со средой" и гомеостатическим регуляциям, такие аспекты, как изначальную напряженность сознания и поведения действующих лиц, дивергентность их интересов, кризисные "взрывы" и т.п., оказало глубокое влияние на его исследования истории переживаний личности¹⁹.

Для Дильтея — понимание, герменевтическая интерпретация, интуитивное прозрение — таковы пути постижения этой истории во всей ее полноте. При этом оно считалось продуктивным, когда имеет дело с уже запечатленными художником смыслами. Выготский же требовал обратиться от ответов драмы жизни в творениях искусства к самой этой драме, открытой, как он был уверен, для научных понятий и методов, пронизанных принципом каузальности. Выготский отверг альтернативу: либо детерминизм (и тогда нет различий между изучением сознания человека — с одной стороны, поведения физических и органических тел — с другой), либо переживаемый "Я" континуум смыслов и ценностей. Принцип детерминизма, согласно Выготскому, остается главным жизненным нервом Органона научного познания. Однако применительно к сознанию личности он обретает особый характер, адекватный ее природе. Это был психический детерминизм как особая форма детерминистского объяснения, отличная от механической каузальности (определяющей облик ассоциативной психологии), от биологического детерминизма Дарвина (парадигмального для функционализма и рефлексологии) и исторического детерминизма Маркса. Образ мышления Выготского определил поиск психологического неадетерминизма,

¹⁶ Выготский Л.С. Собр. соч. Т. 6. С. 288.

¹⁷ Выготский Л.С. Конкретная психология. Вестник МГУ. Серия Психология. 1981. № 1, с. 62.

¹⁸ Там же, с. 59.

¹⁹ Здесь Выготский предвосхитил концептуальные сдвиги в современной психологии, один из которых выражен в "нарастающем интересе к роли беспорядка, нарушения равновесия, роста напряженности в самоорганизации и изменении открытых развивающихся систем" (M. Mahoney. Participatory epistemology and Psychology of science. In: Psychology of science. Cambridge University Press. 1989. P. 142).

способного вырвать мысль из заколдованного круга "двух психологий" — естественнонаучной и духовно-культурной (гуманистической).

Понятие о психической причинности ввел на заре новой психологии ее первый лидер В. Вундт. В борьбе за ее независимость от других дисциплин он настаивал на "замкнутом психическом ряде". Имелось в виду, что душевные процессы детерминированы душевными же — чувство воспритиет, последнее, в свою очередь, волевым началом (апперцепцией) и т.п. Однако всем своим последующим прогрессом психология обязана именно тому, что этот ряд размыкался благодаря открытию обусловленности фактов сознания либо функциями организма, либо социальными процессами. Вундтову схеме разрушило изучение реальной работы сознания, которое не является, подобно субстанции Спинозы, *causa sui*. Утверждая в качестве предмета психологии сознание, Выготский изначально трактовал его как "механизм социального контакта". От этого общего "сырого" представления он шел по пути выявления все новых и новых детерминант. Каждая из них являлась когнитивным гибридом, порожденным междисциплинарным "скрещиванием". Сперва это была реакция (эстетическая), как производное от пересечения процессов, порознь изучаемых теорией литературы, нейрофизиологией и психологией. Затем на сцену вышел знак, как психологическое орудие, имеющее прообразом социокультурное творение — орудие труда. За знаком следовало (в качестве детерминанты) значение слова, издавна изучаемое лингвистами, по ставшее у Выготского особой психологической единицей, порождаемой "партнерством" мышления и речи. Другой единицей, сопрягающей слово с жизнью личности, выступил его смысл. Но его гибридность, как мы сейчас увидим, имела иные основания — не лингвистические, а сложившиеся в искусстве театра. В этом же искусстве было начерпнуто понятие о драме.

В данном случае перед нами совершенно исключительный феномен междисциплинарного синтеза. Во всяком случае, аналогичный прецедент мне неизвестен. Ведь новое понятие родилось не на стыке научных дисциплин, а благодаря интеграции "перспекта", заданного искусством, с "сеткой" научного мышления. Слово как материал художественного мышления, будучи вовлечено в коллизию драмы, обретает признаки, ведомые филологии. В свою очередь эти признаки в контексте научно-психологического мышления становятся у Выготского средством перехода от каузального представления о влиянии внешней среды на сознание индивида к системному объяснению социальной ситуации (подобной сценарию драмы), созданной взаимодействием этого индивида с другими персонажами. Как и в драме, это взаимодействие диалогично.

Принцип диалогизма был, как известно, обоснован М.М. Бахтиным. Но для него центром анализа как искусства, так и личности служило сознание человека, а не человек во всей полноте его телесно-духовного бытия. В своих воззрениях на проблему "Я и другой" Бахтин отстаивал полноправие и полноценность моего и чужого сознания, данных только диалогически ("на границе", "на пороге", а "не внутри"²⁰). Но сознание, каким бы живым и диалогичным оно ни трактовалось — это не единственное "измерение" человеческой личности. С первых же страниц своего *Magnum Opus* — книги "Мышление и речь" Выготский предупреждал: "Кто оторвал мышление с самого начала от аффекта, тот навсегда закрыл себе дорогу к объяснению причин самого мышления, потому что детерминистский анализ самого мышления предполагает вскрытие движущих мотивов мысли, потребностей и интересов, побуждений и тенденций, которые направляют движение мысли в ту или другую сторону"²¹.

До Выготского психологический анализ речи побудил французского исследователя Ф. Полапа различать в слове значение и смысл²². Смысл — по Полапу — определяется контекстом, в котором употребляется слово. Выготский принимает эту трактовку, но наряду с ней, обращаясь к искусству театра, он придает термину

²⁰ См.: Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М., 1979. Версия о влиянии Бахтина на Выготского, принятой рядом авторов за достоверную, я подтверждений не нашел. В бахтинском кружке в середине 20-х годов Выготский оценивался как бихевиорист (См.: Волошинов В.Н. Фрейдизм. М.—Л., 1927. С. 31.).

²¹ Выготский Л.С. Собр. соч. Т. 2. С. 24.

²² См. там же. С. 347.

"смысл" принципиально новое измерение. Генератором смысла слова выступает не контекст, а подтекст, понятие о котором ввел Станиславский. Подтекст указывает на скрытый за высказыванием мотив поступка. Из вербального окружения слова (контекста) смысл невыводим. Его обнажает столкновение участников драматического действия. "За каждой репликой героя драмы стоит хотение, как учит Станиславский, направленное к выполнению определенных волевых задач"²³.

В понятии о смысле схвачена также и представленность жизни личности в ее хотении, мотивационной напряженности, пристрастности, аффективности.

Понятие о смысле вошло в различные направления феноменологической философии с целью противопоставить восхождение личности к ценностям как идеальным заданиям ее (этой личности) земным, телесным побуждениям. У Выготского понятие о смысле, вслед за понятием о значении, обрело особые признаки, позволяющие рассматривать оба понятия в качестве собственно психологических, стало быть, отличных по своему категориальному статусу от содержания, соединяемого с указанными терминами в логике, лингвистике, феноменологии. Для обозначения собственно психологических детерминант жизнедеятельности человека Выготский использовал термины, давно и прочно утвердившиеся в тезаурусе русского языка. Все они употребляются в различных непсихологических контекстах. Это сталкивает с особой задачей, решение которой, по моему убеждению, невозможно иначе как путем категориального анализа. Именно система категорий образует "сетчатую оболочку", от "морфологии" которой зависит видение психической реальности²⁴. Категориальный анализ текстов Выготского позволяет обнажить за их терминами те детерминанты, система которых образует (в противовес аксиоматике интроспекционизма) разомкнутый по отношению к организму и социальному миру причинный ряд. За оборотом "знак как психологическое орудие" различается категория действия, за термином "значение" крылась категория психического образа, а слово "смысл" указывало на категорию мотива.

Смысл слова не стал для Выготского последней "единицей" в поисках "клеточки", которая дала бы ключ ко всему психическому строю человека. Эту роль он передал переживанию. Теперь он утверждает, что "действительной динамической единицей сознания, т.е. полной, из которой складывается сознание, будет переживание"²⁵. Стало быть, переживание, во-первых, наиболее полная (сравнительно с другими) величина в структуре сознания, во-вторых, это величина динамическая, стало быть, движущая поведением, и, наконец, в-третьих, в нем представлена личность в социальной ситуации ее развития.

Термин "переживание" — давний гость в философии и психологии. Ему придан приоритетный характер Дильтей, истолковав его как интуитивно постигаемую жизненную целостность. Выготский соединил с этим термином другое содержание. "В переживании, — писал он, — дана, с одной стороны, среда в ее отношении ко мне, с другой — особенностью моей личности"²⁶. Согласно Выготскому, само понятие о среде должно быть преобразовано. Величайшей помехой он считал взгляд на среду "как нечто внешнее по отношению к ребенку, как обстановку развития, как совокупность объективных, безотносительно к ребенку существующих и влияющих на него самим фактом существования условий"²⁷. Среда приобретает "направляющее значение" благодаря переживанию ребенка. "Это обязывает к глубокому внутреннему анализу переживаний ребенка, т.е. к изучению среды, которая переносится в значительной

²³ Выготский Л.С. Собр. соч. Т. 1. С. 357. Выготский приводит примеры из режиссерских партитур Станиславского, где рядом с репликой героя указано стоящее за ней хотение, обозначения которого, конечно, в самом тексте нет.

²⁴ О смысле и задачах категориального анализа в конкретной науке см. мою книгу "Психология в XX столетии" (2-е изд. 1974). В ней предпринята попытка категориального анализа концепции западных психологических школ.

²⁵ Выготский Л.С. Собр. соч. Т. 4. С. 383.

²⁶ Там же. Переживание мыслилось Выготским как системное образование, где личностное и средовое образуют гештальт ("единицу"), целостную природу которого Выготский пояснял сравнением с другой целостностью — значением слова, где нераздельны мышление (оно представляет психологический мир) и речь (социальный процесс).

²⁷ Там же. С. 258.

степени внутрь самого ребенка"²⁸. Развитие психики — это не конвергенция биологических и внешне-социальных факторов, но остросюжетная драма, и в "драму развития вступает новое действующее лицо"²⁹ — личность ребенка.

Драма означает столкновение, противодействие, конфликт характеров. Не безличностные, внешние обстоятельства, а имеющие свой "сценарий" динамическая система взаимодействия и поступков действующих лиц — такова социальная "среда", в которой формируется ребенок как один из участников этой драмы.

Особое значение Выготский придавал переходам от одного возраста к другому, которым присущи конфликты и кризисы³⁰. Идея о внутренних закономерностях развития привела его к важному положению об оптимальных сроках обучения, в границах которых оно наиболее экономно и плодотворно. Из этого следовало не только положение о том, что ребенок должен созреть для усвоения определенного уровня знаний и навыков, но также предостережение об опасности, грозящей нормальному развитию личности, если время упущено.

В первых детских речевых реакциях — "словах" — выражено "аффективно-волевое" содержание³¹. Именно в этом содержании коренится то особое отношение личности к миру, которое выражено термином "переживание". За ним скрыты конфликты и кризисы развития. Внутренняя жизнь ребенка "связапа с болезненными и мучительными переживаниями, с внутренними конфликтами"³². Опять перед нами "психология в терминах драмы" — драмы внутренней, незримой для внешнего наблюдателя, которому видны лишь отдельные симптомы в виде капризов, упрямства, негативизма ребенка и других проявлений "трудновоспитуемости". Жизненный путь человека — это история его переживаний. Младенчество — это возраст господства "нерасчлененных переживаний, представляющих как бы сплав влечения, аффекта и ощущения"³³. Но тогда источник переживаний заключен в противоречии "между максимальной социальностью младенца и минимальными возможностями общения"³⁴.

На ранних ступенях ребенок еще не знает своего "Я". Крупным шагом, открывающим новую главу в становлении личности, является перестройка, связанная с осмысленной ориентировкой в собственных переживаниях. Возникает "обобщение переживаний или аффективное обобщение, логика чувств"³⁵. В переживании интегрированы логика чувств и логика мысли, закономерно ведущие к смене возрастных "формаций". Это дало Выготскому основание ввести понятие о личностном возрасте, как отличающемся не только от паспортного, но и так называемого умственного возраста, бесчисленные измерения которого путем различных определений "коэффициента интеллектуальности" (JQ) поглотили энергию нескольких поколений психологов.

Концепция Выготского уникальна среди других паправлений возрастной психологии, которая в ту эпоху считалась разделом педологии. Вряд ли следует считать случайностью, что злосчастное партийное постановление о педологии было продиктовано Сталиным в 1936 г. в преддверии Большого Террора. Истинный политический смысл критики "педологических извращений", повлекшей за собой изгнание из школы исследователей детей, их индивидуальных различий, их личностных сложностей, заключался в том, чтобы культивировать в партийно-государственно управляемой школе стандартность мышления, обезличенность сознания и действия. Уничтожение целой научной области неверно было бы объяснять прихотью Сталина либо лично

²⁸ Там же. С. 383.

²⁹ Там же. С. 238.

³⁰ Выготский детально проанализировал кризисы периода новорожденности, первого года, трех лет и семи лет. Проблема кризисов в развитии ребенка обсуждалась и в западной психологии, но их внутренний характер неизменно сводился либо к экзогенным, либо к биологическим причинам.

³¹ См. там же. С. 266.

³² Там же. С. 250.

³³ Там же. С. 277.

³⁴ Там же. С. 282.

³⁵ Там же. С. 309.

затронувшими его случайными обстоятельствами³⁶. В его злодеяниях всегда была определенная социально-политическая логика, и свои решения он "рационализировал" псевдотеоретическими соображениями, призванными убедить, что они приняты ради блага трудящихся, социализма.

С ликвидацией в одночасье педологии началось изобличение в философских и идеологических грехах всех, кто занимался детской психологией, в том числе Выготского. Никто не смог сказать главное — разработанный им гуманистический образ человека как личности, развивающейся по своим внутренним законам³⁷, был полярен по отношению к тому, во что превращала людей социальная практика манипулирования ими как объектами. Следует особо подчеркнуть, что в своих набросках теории возрастов (каждый из которых являет один из актов драмы развития личности) Выготский самым непосредственным образом соотносил концептуальные выкладки с собственным многолетним опытом воспитания и обучения детей. Его теория, имея высокую философскую направленность, была укоренена (как и изучение истории понятий в онтогенезе, их связей с речью и др.) в повседневной черновой работе с ребенком, опиралась на плотные пласты эмпирии, многие из которых были им самим "раскопаны".

Концепция Выготского требовала практических действий "по охране развития ребенка". Важность охраны здоровья детей, как физического, так и психологического, декларировалась повсеместно. Выготский вписал в эту декларацию принципиально новый пункт. Речь шла об "охране развития", стало быть, о необходимости беречь психику ребенка с точки зрения его личностного возраста, каждая из эпох которого имеет свой уникальный строй переживаний, свой драматизм³⁸. Игнорирование этого — губительно для личности, судьба которой закладывается в детстве.

Очевиден не только философско-психологический, но и социально-нравственный смысл теории Выготского, пронизанной чистой пробой гуманизмом. Этим же светом озарено разработанное им понятие о переживании, ставшее его последним словом в поисках интегральной схемы исполненной драматизма организации и истории личности.

³⁶ По воспоминаниям В.Е. Гмурмана, "погром педологов начался после низкой оценки, которую получили на основании тестов умственные способности Василия Сталина, тогда ученика 110-й московской школы" (см. *Леонтьев А.А.* Л.С. Выготский. М., 1990. С. 64).

³⁷ Нужно ли еще раз напоминать, что "внутреннее" для Выготского — это не спонтанные импульсы, не "жизненный порыв" и т.п., а системное образование, объяснение которого требует неклассического неопредетерминистского стиля мышления. Переживание — будь оно самое интимное — возникает не иначе как в диалогической по определению драме развития. Но и социальная ситуация развития невозможна без переживающих индивидов. Здесь действует своеобразный "принцип дополнительности". Драматизм и диалогизм, а не само по себе представление о знаково-опосредованной системе высших психологических функций (межфункциональных связей и т.п.), — а ведь только это общепринято связывать с вкладом Выготского — открывали новую, устремленную в будущее главу в летописи психологии.

³⁸ "Перестройка потребностей и побуждений, переоценка ценностей есть основной момент при переходе от возраста к возрасту" (*Выготский Л.С.* Собр. соч. Т. 4. С. 385). На этом положении, расходящемся с уверенностью в самостоятельной стадийной логике развития когнитивных функций (ср. Пиаже), завершались, вернее, обрывались наброски Выготским динамической теории личности, отличной от подхода пионера этого направления Курта Левина (*Levin K.A.* *Dynamic theory of Personality.* N-Y., 1935). В 1933 г. Левин, на пути из Китая (где он читал лекции) в Германию, ставшую фашистской, остановился на несколько недель в Москве. Здесь ему, принявшему решение эмигрировать, предложили работу. Но он предпочел США (войдя там впоследствии в "незримый колледж" Норберта Винера, который работал над программой кибернетики). В Москве Выготский неоднократно беседовал с Левином, оспаривая (в деликатном, дружественном тоне, о чем свидетельствуют левиновские воспоминания) его представления о детерминантах поведения личности. Московские диалоги будущих классиков мировой психологии (причем Выготский воспроизвел левиновские эксперименты, внося в них новые переменные) сыграли важную роль в разработке проблемы личности и ее мотивации. Это особая тема.